

Как славно вечером в избе,
запутавшись в своей судьбе,
отбросить мысли о себе
и, притворясь, что спишь,
забыть о мире сволочном
и слушать в сумраке ночном,
как в позвоночнике печном
разбушевалась мышь.

Как славно вечером собрать
листки в случайную тетрадь
и знать, что некому соврать:
«низвергнут!», «вознесен!».
Столпотворению причин
и содержательных мужчин
предпочитая треск лучин
и мышеловки сон.

С весны не топлено, и мне
в заплесневелой тишине
быстрее закутаться в кашне,
чем сердце обнажить.
Ни своенравный педагог,
ни группа ангелов, ни Бог,
перешагнув через порог
нас не научат жить.

август—сентябрь 1965